

Открывая этот номер, задумайтесь о себе самих. Мы, воспитатели, иногда уверены, что всё знаем, всё можем. Уверенности этой добавляют восторженные глаза ребят, за которыми мы готовы не видеть нюансов и поворотов собственной жизни. А между тем не всегда и не сразу мы вдруг понимаем, что следовало накрепко запретить ребятам быть похожими на нас. А ещё лучше и правильнее — самим следовало стать такими, чью жизнь можно тиражировать, ибо она — достойный пример. Учитель — тот, кто учит жить. Если он учит всему, кроме этого, важнейшего умения, — учиться ему надо самому. Об этом — наша сегодняшняя история.

Когда выпал снег, возле домика, где поселили недавнюю студентку педагогического института, уже полгода как Ирину Михайловну, — притормозила грузовая машина. На снег спрыгнул железнодорожник — он приехал к ней. Увидев подходящую машину, Ира всегда летела к окошку и принималась теревить цветок в горшке. Сейчас она видела Вадима, пробиравшегося среди сугробов к крыльцу.

— Пришёл? — выдохнула, кинувшись навстречу.

— Я ненадолго, за тобой. Мне надо в Москву, буду начальником станции. Там рядом и квартира. Я видел — всё путём, поехали!

— Молодец...

— Ты... ты не против? — он запнулся.

Колонка РЕДАКТОРА

— Нет, конечно, нет. — Растерялась, не смогла подобрать нужных слов, сказала только:

— Ты поезжай, я летом приеду. Учебный год. Подожди полгода, я приеду!

Ждали июня. Знали, что начнут жить вместе в переулке у станции — так, как оба мечтали, когда она старательно укладывала волосы «под Варлей», а он показывал класс на байдарке — ездили на лето в Карелию. Она будет учить ребят, он — увеличивать скорости и обеспечивать надёжность стальных магистралей — как на плакате в институте у Москвы-третьей, где он учился.

— Я тебя люблю! — радостно заявлял он, когда вернулся в дом, набрав воды на колонке.

— А я тебя, — отвечала, глядя ему в глаза.

— А давай сейчас? Я же не смогу там без тебя.

— Нет. Учебный год, — повторила она и улыбнулась.

Прошло полгода. И поехала она не в Москву, а в пионерский лагерь старшей воспитательницей. У учителей семьи — им нельзя. А те, кто живёт одиноко, боятся, что не смогут носиться весь день с ребятами, играть в футбол, плавать через речку, что примутся вытирать носы или с утра до вечера наставлять, чем испортят всё и себе, и ребятам. А заводские парни и девушки, вожатые, смотрели на детей,

Колонка РЕДАКТОРА

как на чёртика из табакерки, — сплошные непредвиденности, неожиданности и вообще непонятки. Между тем всех надо организовать, наладить театр, доделать радиостудию, научить заводскую молодёжь не шарахаться от молодняка.

И — снова учебный год. А затем — лето. Огромные глаза восьмиклассника:

— Ирина Михайловна, только не уезжайте! Мы без вас... Я без вас не смогу! Я не могу реветь по вечерам, как мать, — начну пить, как отец! А здесь я буду чистить дорожку, буду таскать воду с колонки. Хотите — поклею обои у вас, если вы не против. Только не гоните меня к ним! Не уезжайте!

— А почему ты решил, что я уезжаю?

— Правда, не уедете?

— Обещаю. И не обои мне нужны (сама всё сделаю), а твои двойки надоели.

— Я исправлю! Только не уезжайте.

Допоздна торчали у неё почти всем классом — делали декорации для школьного театра. Потом, через неделю, также вместе готовили олимпиаду по химии — готовили задания командам «Селениты» и «Радий». Группой из восьми человек ходили на лыжах — Ирине казалось, что, сойди она с дистанции, — сразу всё рухнет, и сама жизнь у ребят точно не состоится. Несколько раз ездили в Москву в театры. Объездили несколько областей, собирая экспонаты в школьный музей, а летом, когда всё-таки решилась уезжать, — ребята напомнили, что зимой говорили о походе на байдарках.

Вадим приехал за ней, уже на своей машине. Сказала, стараясь не смотреть на него:

— Ты извини, но в твоём доме должна быть другая хозяйка. Я от ребят не уйду — они

не простят мне, а я себе. — Он смог тогда только пожать плечами, выбежать на крыльцо — и, не оглянувшись, умчаться.

Ревела, как девчонка. Проклинала себя. Неужели вся жизнь не стоит похода на байдарках? Да и ребята ездили бы к ней — Москва не за горами. Но не может она предать — и всё тут. И кто, как не она, будет их жизни учить? А Вадим, может, подождёт. А может...

Прошло двадцать лет.

Уходила на уроки в вечернюю школу, а дома хозяйничали ребята — учили роли, заканчивали декорации к новому спектаклю, разгребали снег во дворе. Девчата испекли пирог с лимоном — все ждали её. Открыла дверь — навстречу Игорь, который никого не играл в театре, но обеспечивал музыку и следил за софитами — был сразу техником-осветителем, звукооператором, рабочим сцены, а что важнее всего, — строгим-престрогим критиком.

— А тут вас искали. Приходил мужчина...

— Какой? — тугая волна воздуха, жаркая и неодолимая, чуть не опрокинула её обратно. Сразу пересохла губы. Хотела что-то сказать — не смогла.

— Старенький — не очень. В шляпе.

— А глаза?

Помогли девчонки, оказавшиеся в маленькой прихожей:

— Бегающие какие-то. А вообще зелёные. И нос курносый. И шрам на щеке.

— Это он! Неожиданно для всех почти закричала Ира, рванулась назад, но не удержалась и опустилась на пол у двери. — Это он! Что же вы не остановили?

Её ещё не видели вот такой — сидящей на полу, размазывая слёзы и тушь по щекам. Очки валялись рядом на полу, она, казалось, пытается что-то вспомнить.

— Он сказал... — кто-то несмело вставил, — он сказал, что едет в аэропорт.

Кинулась к телефону, продолжая сидеть на полу:

— Справочная? Аэропорт? Куда?.. — Обвела ребят взглядом. — В Челябинск! Улетел? Уже?! — Кинула трубку:

— Это был он. Понимаете? Он. Ничего вы не понимаете. Улетел. Всё из-за вас. — Она с какой-то злостью посмотрела на ребят. Неожиданно залепетала, почти шёпотом:

— Он меня ждал. Пять лет ждал. Потом женился. Через шесть лет позвонил: «Развожусь. Не могу без тебя». А я вместо того, чтобы всё кинуть и бежать к нему, осталась тут всякой чушью с вами заниматься. — Она махнула рукой и подняла глаза:

— Наверняка всё испортили! Показывайте свою мазню!

... Прошло ещё два года. Десять человек — и девчонки, и мальчишки — решили идти в педагогический.

— Сделайте что-нибудь! — почти орала на родительском собрании. — Учитель не может жить по-человечески! Это не профессия, это образ жизни! Хотите счастья ребятам — удерживайте из последних сил! Канатом привяжите! Вы же не хотите им зла! — но девчонки поступили все. Из мальчишек — только Игорь и Костик. Когда Игорь привёл знакомить свою девчонку, — глядя на неё, Ирина словно в зеркало смотрелась — в странное зеркало, убирающее морщины и седые волосы.

— Ну как? — Игорь вышел за ней в кухню, где их не слышала Галя.

— Тебе жить, я при чём?

— Но она на вас похожа! Я такую и искал.

Колонка РЕДАКТОРА

Развелись не сразу. Перед этим Галя прибежала к Ирине Михайловне:

— Я думаю, вы поймёте. Вы всегда всё поймёте. Он совсем не бывает дома! То они едут на раскопки, то станок надо починить в мастерской, то соревнования впереди, и он думает и говорит только о них. Но я живой человек! У меня... У нас дочери полтора года. Не вспомнит...

— А сама ты как? Ты женщина, будь сильнее. Спасай ситуацию. Придёт из школы — говори о его делах и незаметно возвращай к реальности.

— Хорошо бы, конечно. Только когда? Юлька растёт. А прихожу из школы — тетради, проверяем вместе с мамой, и всё равно не успеваем. Подготовка к урокам. Сами знаете — нет времени совсем. А тут школьный театр решили делать...

— Нет, Галя, меня копировать не надо. Я вот постоянно одна, а вам так нельзя. Забудь про театр — займись домом. А с Игорем я поговорю. Ведь и ему нельзя скакать кузнечиком по жизни, и ты в жизни увидишь не только тетради.

Галя ушла — Ирина села в кресло.

«Ничего-то я не понимаю! Своей жизни не создала, сыну жизнь испортила. Хотела быть только учительницей, забывая, что я — мать. Теперь вот ребята...» Схватила трубку:

— Игорь? Ты сегодня ел? А Галя ела? Хоть Юльку вы накормили? Что? Галина мама не пришла? А она ещё при чём? Короче, разведёшься — голову оторву. Не вздумай!

Всё равно развелись. Вот сейчас Игорь сидит на кухне, курит — сгорбленный и какой-то раздавленный.

— Я думал, она лучше всех на земле. Она так на вас похожа...

Колонка РЕДАКТОРА

— Вот и плохо, что похожа. (Знать бы это самой, делать свою жизнь, а не плодить «похожих»!) Когда учитель становится для своего ученика всем — он перестаёт быть учителем. — Сказала это скорее для себя.

— Все женщины — пустышки рядом с вами, разве это не понятно?

— А я — не пустышка! — взвилась Ирина. Зато дом у меня — пустой. И жизнь — пустая. И машины больше, — она указала в окошко, — не тормозят рядом с домом, да и я никого не жду. Между прочим, тебе жить. Оставайся мальчишкой-восьмиклассником, каким сюда пришёл, или начинай жить! — Она сама не ожидала от себя этой злости, открыла дверь и жестом показала Игорю, чтобы он ушёл.

Парень открыл своё дело. Пригласил туда Костика, ещё нескольких бывших одноклассников и одноклассниц. А Ирине позвонил однажды:

— Я ушёл из школы, и теперь всё по-другому. Спасибо, что вы меня выгнали. Теперь

у меня семья, и мне не хочется быть тем мальчишкой, о котором вы сказали. Я уже повзрослел. Юльке пять лет, но у нас ещё маленький Серёжка!

Учитель — тот, кто учит жить. И помогает это делать. В том числе — своим примером. Так важно увидеть тот момент, когда ребят надо уже не вести по жизни, когда поддерживающая рука становится сковывающей, — и её надо отпустить, отправив ребят в свободное плавание! Как поздно поняла это Ирина, решив отказаться от своей жизни, чтобы могли жить ученики! И предстояло собрать всех учеников-учителей, оторвать от тетрадей и уроков:

— Ребята, пора жить!

Говорила это и понимала: машины у её домика больше не тормозят, и нечего этот сценарий навязывать ребятам. Им за двадцать — но всё равно ребятам. Они хотели жить, «как Ирина». А между тем — «Спасибо, что вы меня выгнали». Учитель — тот, кто учит жить. А если не умеет сам, — пусть научится. **В.Ш**